

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.133:343

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217

Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке

Михаил Александрович ГРАЧЁВ

ФБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»
603005, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 31А✉ ma-grachev@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы адаптации арготических слов в общенародном русском языке и влияние криминальной субкультуры на законопослушное общество. В ближайшее время в лексико-тематическом плане в арго должны произойти резкие изменения в связи с борьбой государства против *воров в законе* и экстремистской организацией АУЕ* (в октябре 2020 г. Минюст РФ сообщил о включении движения АУЕ* в перечень запрещённых в РФ экстремистских организаций, его деятельность на территории России запрещена). Из-за большого количества арготизмов, перешедших в общенародный язык, наблюдаются проблемы перевода с одного языка на другой. Они содержатся в несоответствии реалий между различными народами, особенностями криминальных сообществ и эмоциональности уголовных лексем. Отмечено, что в последнее время наблюдается частое употребление грубой и ненормированной лексики в любой сфере и при любом языковом общении. Основную массу этих слов составляют арготические лексемы. Особое место в исследовании отведено проблемам экспертов-лингвистов. Нередко бывшие арготизмы законопослушным населением используются как инвективы, см., например, слова *мусор*, *мент* – «сотрудник правоохранительных органов». Причём суды часто автоматически воспринимают подобные слова как лексические единицы, содержащие неприличную форму и не учитывают речевую ситуацию, контекст и другие аспекты лингвистического анализа.

Ключевые слова: тюремные арготизмы, экспрессивность, субкультура, криминальный мир, лексема, государство, законопослушное общество

Для цитирования: Грачёв М.А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 210-217. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

* Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) включено в Перечень запрещённых в Российской Федерации экстремистских организаций и его деятельность на территории России запрещена (решение Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 и дополнительное решение Верховного суда Российской Федерации от 02.10.2020).

Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century

Mikhail A. GRACHEV

N.A. Dobrolyubova State Linguistic University of Nizhny Novgorod
31A Minina St., Nizhniy Novgorod 603005, Russian Federation

✉ ma-grachev@mail.ru

Abstract. We consider current issues of adaptation of argot words in the national Russian language and the influence of criminal subculture on law-abiding society. In the near future, dramatic changes in the lexical and thematic plan in argo should occur in connection with the state's struggle against *organized crime figures* and the extremist organization AUE* (in October 2020, the Ministry of Justice of the Russian Federation announced the inclusion of the AUE* movement in the list of extremist organizations banned in the Russian Federation, its activities in Russia are prohibited). Due to the large number of argotisms that have passed into the national language, there are problems of translation from one language to another. They are contained in the discrepancy between the realities between different peoples, the peculiarities of criminal communities and the emotionality of criminal lexemes. We note that recently there has been a frequent use of rude and abnormal vocabulary in any field and in any language communication. The bulk of these words are argotic lexemes. A special place in the study is given to the problems of linguistic experts. Often former argotisms are used by the law-abiding population as invectives, see, for example, the words *musor*, *ment* – “law enforcement officer”. Moreover, the courts often automatically perceive such words as lexical units containing an indecent form and do not take into account the speech situation, context and other aspects of linguistic analysis.

Keywords: prison argotism, expressiveness, subculture, criminal world, lexeme, state, law-abiding society

For citation: Grachev M.A. Adaptatsiya argoticheskikh edinit v obshchenarodnom russkom yazyke v XXI veke [Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 210-217. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В статье, опубликованной в журнале «Наука и жизнь», мы предупреждали о вхождении и нейтрализации лексем преступного мира в общенародном языке [1, с. 128]. Цель нашего исследования – изучить причины и масштаб арготизмов, адаптированных в национальном русском языке.

И, действительно, в настоящее время многие арготизмы уже не осознаются как таковые: населением забыто их происхождение, изменены оттенки значений, эмоциональная окраска и проч. Хотя намёки на криминальное прошлое всё-таки остались. Рассмотрим основные причины этого процесса.

К сожалению, российское законопослушное общество до сих пор так и не попыталось разобраться в истоках влияния субкультуры криминального мира.

В целом, российский социум в имущественном плане сильно разьединён: в нём имеются мультибогатые и мультибедные группы. Последних большинство.

Арго – язык нищеты и низов общества. Это сказано ещё в 1871 г. французским писателем В. Гюго в романе «Отверженные». В то же время оно обладает сильной экспрес-

сией. Не случайно элементы этого социального диалекта ещё в 90-е гг. XX века гармонично вошли в язык современных журналистов, слились с так называемым новоязом.

Российский профессиональный правонарушитель не станет добропорядочным, законопослушным предпринимателем, так как он не способен к обучению и находится в окружении таких же, как и он, воров. Более того, он отрицательно действует на законопослушных чиновников, которые так же начали употреблять арготизмы. Так, в речи коррупционных чиновников чрезвычайно много воровских словечек, см. примеры: *лапа* – взятка, *брат на лапу* – брать взятку, *откат* – взятка за услугу, размер которой определяется от суммы сделки и проч.

Борьба против субкультуры в русской истории была, но, как всегда, не поддержанная общественностью. Во всяком случае, всё начало XX века вплоть до революции характеризуется разнузданным исполнением блатных песен в кафе-шантанах, ресторанах и кабаках, наблюдается выход первых сборников воровских песен (см., например, «Маруся отравилась»). Русская литература если не восторгалась низами общества, то, по меньшей мере, лояльно относилась к ним. Вспомним рассказ А.М. Горького «Челкаш», очерк А.И. Куприна «Вор». И только отдельные писатели и учёные предупреждали о пагубном влиянии профессиональной уголовной романтики на общество. Это этнограф С.В. Максимов в научно-публицистической работе «Несчастные» (1872 г.), знаменитый языковед И.А. Бодуэн-де-Куртенэ в Предисловии к словарю В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка: («Жаргон» тюрьмы)» (1908 г.), журналист Г. Брейтман в книге «Преступный мир» (1901 г.), П.П. Ильин в «Исследовании жаргона преступников» (1912 г.).

Значительная часть современного общества считает, что без нарушения законодательства Российской Федерации не разбогатеешь. Оно запугано уголовным миром: частые ограбления, изнасилования, кражи, взятки и – шире – коррупция, невозможность полноценно обороняться от грабителей (могут осудить за превышение обороны). С одной стороны, сильное влияние преступности на общество, с другой стороны, низкая общая культура. Отсюда – низкопробные детективы

на главных каналах страны, телепередачи, посвящённые уголовному миру (см., например, по первому каналу телевидения музыкально-песенную телепередачу «Три аккорда», где откровенно популяризируют криминальные песни с употреблением арготизмов). Законопослушный социум уже не воспринимает слова *беспредел*, *отстой*, *мент*, *тусовка*, *опустить* (кого-л.) как арготизмы. Об этом помнит только пожилое население, а молодёжь считает их за вполне употребительные слова.

Некоторые общественные деятели и политики в 90-х гг. XX века пытались договориться с *ворами в законе*, чтобы те навели правовой порядок в стране (!). Даже серьёзные государственные газеты и ряд радикальных депутатов Государственной Думы пытались выявить отношение к этой идее в обществе. Общество отреагировало отрицательно.

Переход и адаптация арготизмов в общенародном русскому языку создали множество проблем при определении оскорбления, перевода на другой язык, да и просто в коммуникативно-этическом отношении между гражданами.

Думается, что при экспертизе об оскорблении следует проводить тщательную этимологию слова. Показательной иллюстрацией этого является известное слово *мусор* – «сотрудник правоохранительных органов», образованное в период 1908–1918 гг. от аббревиатуры МУС – Московский уголовный сыск МВД Российской империи. Эта аббревиатура придумана знаменитым сыщиком и начальником Московской полиции Аркадием Францевичем Кошко, который и руководил ею 10 лет. Впоследствии МУС стал именоваться МУРОм. То есть время его существования – 10 лет. Оно не было зафиксировано в словаре В.Ф. Трахтенберга (1908 г.) (см.: [2]) и в рукописи П.П. Ильина (1912 г.)¹, но было отмечено в словаре С.М. Потапова (1927 г.) (см.: [3]).

В настоящее время идут многочисленные споры между блогерами о появлении слова *мусор* – сотрудник правоохранительных органов. Нам кажется, оно образовалось контаминацией двух слов: лексемы МУС –

¹ Ильин П.П. Исследование жаргона преступников. Рукопись 1912 г. 223 с. СПб., С.-Петербургская библиотека АН России. Рукописн. отдел; шифр 25.4.7.

Московский уголовный сыск + общенародного слова *мусор* – обозначения бытовых отходов, грязи, сора. В настоящее время слово имеет негативно-уничижительную окраску. Поэтому навряд ли данная лексема употреблялась в качестве самоназвания сотрудников Московского уголовного сыска, как об этом пишут некоторые блогеры.

Аббревиатуру МУС в 1918 г. сменило сокращение МУР – Московский уголовный розыск. Именно от него образовался арготизм *мурка* – агент уголовного розыска, см. воровскую поговорку *урки и мурки играют в жмурки*, *Муркой* могли быть как женщина, так и мужчина. Благодаря необыкновенному успеху воровской песни в исполнении Л. Утёсова, записанной на грампластинку, слово перешло в 30-е гг. XX века в общенародный русский язык.

Особое место при анализе отводится арготизмам, имеющим разные значения в криминальном мире и в законопослушном обществе, см. лексемы: *голубок* (от арготизма *голубой* = *опущенный*, то есть «тот, с кем совершили насильственный половой акт или измазали нечистотами, тем самым поставив его на низшую ступень криминальной лестницы», синонимами к нему являются *гребень*, *петух*, *кочет*, *пивень*, см. также *кукарекать* – «действовать как *петух*» и проч. Конечно, если эти слова будут произнесены в уголовной среде, то может возникнуть конфликт, вплоть до смертельного исхода, а не только воспримутся как оскорбление. Оскорблённый осуждённый **обязан** по законам тюрьмы защитить свою честь (ударить обидчика, зарезать и проч.), иначе он сам может очутиться на низшей ступени уголовной лестницы. И эксперт-лингвист должен объяснить дознавателю, следователю, суду мотивы совершения преступления.

Следует сказать, что в настоящее время употребление ряда наиболее распространённых уголовных слов становится менее актуальным. Это можно проиллюстрировать на лексеме *козёл*. Его негативная коннотация уже стала не такой актуальной, которая была, например, в 2000 г. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные экспертизы. Сейчас его по своей экспрессии заменяет арготическое слово *баран*, созданное по зооморфной аналогии. Причём если лексема *ко-*

зёл обозначала человека, сотрудничающего с правоохранителями, и пассивного гомосексуалиста (в общерусском просторечии оно имело значение сильного оскорбления в адрес мужчины), то слово *баран* стало ещё обозначать и глупого человека, жертву преступления, не способную оказать сопротивления. Несомненно, в появлении новых значений на него оказал влияние арготизм *овца* – «беззащитная жертва преступления». То есть появился параллельный зооморфизм мужского рода. Характерно, что в настоящее время в жаргоне предпринимателей уже не употребляется слово *лох* – в значении «неудачник; человек, который не состоялся в жизни» (пришло из аргоса шулеров, где обозначало жертву карточных мошенников). Заметим, что в речи бизнесменов арготическое слово *баран* произносится очень часто, так как имеет резко отрицательную коннотацию.

Следует подчеркнуть, что арготизмы проникли во все сферы национального русского языка: в молодёжный жаргон, территориальные диалекты, общерусское просторечие и даже в нормированный русский язык.

Показательной в этом отношении является лексема **мошенничество**, перешедшая в юридический подстиль официально-делового стиля, см.:

1. **Мошенничество**, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием,

– наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до одного года, либо обязательными работами на срок до трёхсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырёх месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Слово образовалось от лексемы *мошенник* – изначально тот, кто срезает *мошны* – кошельки для хранения денег. Русский язык выбирал нужные лексемы из этимологически родственных синонимов: *мехорез*, *мешкорез*, *мешкорезник*, *мошнорез*, *мошнорезец*, *мо-*

шонкорез, мошенник, – восходят к древнерусскому слову *мошна* – [4, с. 540; 553]. Часть арготизмов даже стали официальными топонимами: *Жигули* (название гор), Жиганск (город в Сибири), Хабаровск.

Можно говорить о многих других лексемах, перешедших в разговорный литературный язык: *двурушник* – лицемер (из аргю нищих), *очковтирательство* (из аргю шулеров), *беспредел* – высшее беззаконие (из аргю воров в законе) и т. д.

В аргю имеется большое структурно-генетическое гнездо с корнем-словом *мент* (см.: [4, с. 535-537]) – всего 46 слов и фразеологизмов. И только несколько слов вошло в общенародный русский язык (в просторечие): *мент, ментовка, ментяра, ментовской*.

Аргю (как и всю криминальную субкультуру) сейчас ждут сильные изменения: государство начало жёсткую борьбу с лидерами ОПГ, среди которых немало *воров в законе*. Уголовная статья за руководство ОПГ (ст. 210 УК РФ) впечатляет – пятнадцать лет лишения свободы. Ослабление верхушки криминального мира – *воров в законе* – изменит идеологию профессиональных преступников. Они будут вынуждены приспосабливаться к современным условиям. И это всё отразится в аргю.

Несомненно, *воры в законе* в настоящее время находятся в растерянности, но после какого-то времени они обязательно перейдут в наступление. Скорее всего, будут поддерживать обиженных политиков. И это также отразится в их аргю.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Можно констатировать, что последние годы пласт общенародной лексики значительно пополнился арготическими единицами.

Причём слова преступников всё чаще используются в речи людей, не являющихся представителями криминального мира. Отвечая на вопрос, каким образом лексемы асоциальных элементов так легко усваиваются представителями законопослушной части русскоговорящего населения, мы обратились к текстам, которые являются общедоступными, более того, созданы для народа и при этом традиционно считаются литературными. Это тексты СМИ, в которых ис-

пользуется криминальная тематика. По этому поводу лингвист В.В. Химик писал: «Некоторые ограничения предполагает и так называемая публичная речь – повествование, предназначенное для широкого, массового восприятия. Прежде всего, это устные и письменные формы средств массовой коммуникации, передачи телевидения, радио, публикации общенациональных и региональных газет и журналов, рекламные тексты» [5, с. 8].

Известно, что средства массовой информации на сегодняшний день имеют очень большое влияние на общественное сознание. Но нынешнее состояние лексики, употребляемой в СМИ, не соответствует общепринятым литературным канонам. Это отмечают большинство лингвистов. «Жаргонные слова и обороты, – считает исследователь Л.П. Крысин, – далеко не редкость и в литературной речи. Сначала жаргонная лексика просачивалась главным образом в устно-разговорную её разновидность, затем, ближе к нашим дням, – в язык средств массовой информации, а потом широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей» [6, с. 214].

Во многом процесс нейтрализации арготизмов связан с изменением функций лексики криминальных элементов, а также массовым влиянием арготизмов на общенародный русский язык. Важно подчеркнуть, что большинством населения многие арготизмы уже не воспринимаются как лексемы, пришедшие из криминального мира, см. примеры: *разборка* – разбирательство, *стрелка* – встреча, *забить стрелку* – договориться о встрече.

В настоящее время также наблюдается любопытный криминальный процесс: проникновение «письменной» формы аргю – татуировок в законопослушное общество (прежде всего в молодёжную среду). Причём воспринимаются они как один из видов искусства – боди-артом. Более того, молодые люди не видят (или не понимают?) физического и духовного вреда для себя и окружающих. За последние три года использование криминальных татуировок резко увеличилось. Некоторые молодые люди стали наносить рисунки и высказывания профессио-

нальных уголовников на фаланги пальцев и даже на лицо. Заметим при этом, что многие тюремные татуировки не воспринимаются молодёжью как криминальные.

Если идеологические аспекты сходны у жертвы и представителя криминального мира, то последнему легче навязать представителю законопослушной части общества свою субкультуру

Стокгольмский синдром (англ. *Stockholm Syndrome*) – термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения угрозы или насилия. Под воздействием сильного переживания заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия и, в конечном счёте, отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву *необходимой* для достижения «общей» цели².

Парадокс при *стокгольмском синдроме* заключается ещё и в том, что преступник убеждается в правоте своих действий. Как, например, в случае с лесными разбойниками XVI–XIX веков, о которых крестьяне говорили, что те никогда не грабили бедного человека, а только богатых, часто не понимая, что грабить его нечего, если нет денег. Среди сельского населения было распространено мнение, что разбойники делились с крестьянами награбленным. А как иначе? Они обязательно должны иметь в деревнях своих людей: наводчиков, пристанодержателей, фельдшеров, коновалов, любовниц и проч. Тем самым разбойники имели ореол защитников бедняков. То есть лесные преступники преследовали практическую цель. Точно так же как и беглые каторжники. См. строчки из известной старой каторжанской песни: «Хлебом кормили крестьянки меня, / Парни снабжали махоркой». Крестьяне задабривали беглых, чтобы те не сожгли деревню. Одними из таких криминальных «добрых» преступников были волжский и каспийский пират С. Разин, бандит Г. Котовский, грабитель Камо (Тер-Петросян). Употребление языка криминальных элементов настолько увлекло

общество, что оно стало считать в 20-х гг. XX века «буржуями» часть интеллигенции, которая не использовала в речи арготизмы и нецензурные выражения. Их «неиспользование» интеллигентной частью общества влекло за собой определённое недоверие со стороны пролетариата, вплоть до ареста ЧК. Преступники приветствуются законопослушным населением, если официальная власть совершает преступления гораздо чувствительнее в отношении законопослушного общества, чем сами уголовники.

З. Фрейд в своё время использовал слово *идентификация*, то есть жертва и преступник – это одно целое, а значит, применительно к нашему исследованию, жертва должна перенимать и духовные (а лучше сказать, контрпродуктивные) ценности.

В распространении и адаптации криминальной субкультуры в законопослушной среде виноваты кино и Интернет. Например, до сих пор среди населения популярны сериалы «Бригада» (15 серий), «Ментовские войны» (11 серий). И зрители требуют продолжения. Продолжения того, как убивают, насилюют, грабят законопослушных лиц, издеваются над порядочными представителями правоохранительных органов и показывают торжество криминального мира.

Регулярное использование арготизмов представителями власти, людьми, издающими законы страны, часто обращающихся к гражданам через средства СМИ (то есть через систему, которая все ещё считается гражданами Российской Федерации эталонной системой трансляции информации) оказывает несомненное влияние на сознание носителей русского языка.

Если использование арготизмов в прямом эфире можно объяснить излишней эмоциональностью и неспособностью ораторов контролировать себя, то употребление лексем языка криминальных элементов в печатных СМИ и на сайтах информационных интернет-ресурсов не может быть оправдано только человеческим фактором. Любой авторский, а тем более публицистический текст проходит несколько стадий проверки перед попаданием на страницы информационных изданий.

² Психологи на b17.ru: сайт. URL: <https://www.b17.ru/article/stockholmsyndrome/> (опубликовано: 18.04.2021, дата обращения 24.12.2021).

Тем не менее, очень большое число арготизмов попадает в тексты средств массовой информации.

Большинство воровских лексем употребляется напрямую: авторы текстов СМИ уже не используют кавычки как средство для акцентирования несоответствия слова общему контексту в стилистическом смысле.

В последнее время наблюдается частое употребление грубой и ненормированной лексики в любой сфере и при любом языковом общении. Основную массу этой лексики составляют арготические слова (см. примеры: *лимон*, *лямка* – «миллион», *бухать* – «выпивать», *балдёж* – «наслаждение» и др.). Ситуация в настоящее время осложняется ещё и тем, что арготизмы проникают в высокие пласты русской лексики, в том числе и в литературный (нормированный) язык.

То, что арготизмы активно вторгаются в язык, показал опрос, проведённый нами в студенческой среде. Интервьюирование показало, что в результате снижается уровень нейтрального пласта языка, а значит, и вся речь становится грубее. При этом осуществляется лишь эмоциональное воздействие, а информации передаётся меньше. Всё это происходит в ущерб выразительности общенародного языка.

Об этом свидетельствует следующий опрос студентов.

Вопрос: Мешают ли вам отступления от норм употребления языка (арготизмы) в речи окружающих?

Ответы: Да, мешают – 59 %. Стараюсь их не замечать – 32 %. Не обращаю на это внимания – 9 %.

Вопрос: Испытываете ли вы трудности при переводе арготических слов?

Ответы: Испытываю серьёзные проблемы – 76 %. Имеются незначительные трудности – 21 %. Проблем нет – 3 %.

Между тем почти все студенты жалуются на отсутствие нужной учебно-методической литературы.

Вот основные трудности перевода арготизмов на другие языки:

1) в переводе общерусских обозначений тех реалий, которые имеют место только в России;

2) соответствие развития одного народа с другим. И, как вывод: различия преступного мира в одной стране, с одной стороны, и с другой стороны, – в России;

3) в эмоциональном отношении, то есть неэмоциональный арготизм переводится эмоциональным арготизмом и наоборот, отсюда – потеря окраски или оттенков значения.

Известно, что арготизмы обладают исключительной экспрессивностью [7]. Но она разная у представителей криминала разных стран. На этот факт обращает внимание профессор О.С. Сапожникова (см.: [8, с. 32-74]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: процесс адаптации арготизмов в общенародный язык должен быть изучен. Думается, важным для этого должен быть словарь адаптированных арготизмов. Он мог бы сыграть чрезвычайную роль для культурологов, экспертов-лингвистов и переводчиков.

Список источников

1. Грачёв М.А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128-132.
2. Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка: («Жаргон» тюрьмы): По материалам, собр. в пересыл. тюрьмах: Петерб., Моск. («Бутырки»), ... [и др.] / под ред. и с предисл. проф. И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. Спб.: Тип. А.Г. Розена, 1908. 116 с.
3. Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927.
4. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего русского арга. М.: РИПОЛ-Классик, 2003. 1240 с.
5. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (Предисловие). СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
6. Крысин Л.П. О русском языке наших дней: Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. 314 с.
7. Руденко М.Ю. Исследование арга, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3 ч. Ч. 3. С. 127-134.

8. Сапожникова О.С. Разговорная речь в коммуникативной структуре художественного текста: (На материале фр. яз.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2001. 254 с.

References

1. Grachev M.A. Interventsiya kriminal'nogo yazyka [Crime language intervention]. *Nauka i zhizn' – Science and Life*, 2009, no. 4, pp. 128-132. (In Russian).
2. Trakhtenberg V.F. *Blatnaya muzyka: («Zhargon» tyur'my): Po materialam, sobrannym v peresylayemykh tyur'makh: Peterb., Mosk. («Butyrki»), ... [i dr.]* [Thieves' Music: ("Jargon" of the Prison): Based on Materials Collected in Forwarded Prisons: St. Petersburg, Moscow ("Butyrki"), ... [et al.]. St. Petersburg, A.G. Rozen Typography, 1908, 116 p. (In Russian).
3. Potapov S.M. *Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaya muzyka)* [Criminal Jargon Dictionary (Thieves Music)]. Moscow, People's Commissariat for Internal Affairs Publ., 1927. (In Russian).
4. Grachev M.A. *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo* [Dictionary of Millennial Russian Slang]. Moscow, RIPOL-Classic Publ., 2003, 1240 p. (In Russian).
5. Khimik V.V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi (Predisloviye)* [Big Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech (Foreword)]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 p. (In Russian).
6. Krysin L.P. *O russkom yazyke nashikh dney: Izmenyayushchiysya yazykovoy mir* [About the Russian Language of Our Days: The Changing Language World]. Perm, 2002, 314 p. (In Russian).
7. Rudenko M.Y. Issledovaniye argo, zhargona i slenga: voprosy terminologii [Argot, jargon and slang studies: the problems of terminology]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2016, no. 5 (59): in 3 pts, pt 3, pp. 127-134. (In Russian).
8. Sapozhnikova O.S. *Razgovornaya rech' v kommunikativnoy strukture khudozhestvennogo teksta: (Na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Colloquial Speech in the Communicative Structure of a Literary Text: (Based on the French Language)]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2001, 254 p. (In Russian).

* Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) включено в Перечень запрещённых в Российской Федерации экстремистских организаций и его деятельность на территории России запрещена (решение Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 и дополнительное решение Верховного суда Российской Федерации от 02.10.2020).

Информация об авторе

Грачёв Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-7972-4033](https://orcid.org/0000-0001-7972-4033), ma-grachev@mail.ru

Вклад в статью: разработка идеи, общая концепция статьи, анализ результатов опроса, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022
Одобрена после рецензирования 07.04.2022
Принята к публикации 21.04.2022

Information about the author

Mikhail A. Grachev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Teaching Russian as Native and Foreign Language Department, N. A. Dobrolyubova State Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7972-4033](https://orcid.org/0000-0001-7972-4033), ma-grachev@mail.ru

Contribution: idea development, main study conception, survey results analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 12.01.2022
Approved after reviewing 07.04.2022
Accepted for publication 21.04.2022